

DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-3-5

EDN: TYWOXG

JEL Classification: A11, B00, D5

Где проходит передний край экономической науки?

Е.П. Дятел¹¹ Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, РФ

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена переднего края науки как отправного пункта восхождения ученого к качественно новым результатам. Методология исследования основана на системном подходе, предполагающем диалектическое единство усвоения конкретного (К. Маркс) с использованием метода альтернатив (К. Поппер). Исторически на роль отправного пункта экономической теории претендовали: 1) наиболее абстрактные понятия – труд вообще, экономический человек и др.; 2) остенсивные определения товара, «обыкновенного человека» и т. п., позволяющие опереться на личностное (неявное) знание. Анализ методологии научного познания показывает, что в случае восхождения от абстрактного к конкретному велика вероятность попадания в ловушку индукции, страховкой от которой выступает структурное сходство (гомоморфизм) объекта и его теоретического отображения (модели). Такой подход дает возможность выявлять функциональные характеристики экономических явлений и процессов, например соответствие спроса и предложения в вальрасианской системе уравнений общего равновесия (модель Эрроу – Дебрё). Другой подход опирается на веру, мировоззрение, интуицию, которые стимулируют выдвижение качественно новых гипотез. Оба подхода взаимодействуют и дополняют друг друга, формируя континуум экономического знания, где отсутствует четко выраженный передний край, а генезис может, явно или неявно, осуществляться в каждом из образующих единое целое составных элементов (научная статья, диссертация, учебное пособие и т. д.). Актуальным для любого ученого, а тем более преподавателя научной дисциплины, становится системное видение предмета изучаемой науки, его взаимосвязей с другими отраслями знания и окружающей действительностью.

Ключевые слова: остенсивные понятия; ловушка индукции; гомоморфизм неоклассики; мировоззренческий подход; континуум экономического знания.

Финансирование: Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2022 г.

Информация о статье: поступила 22 февраля 2022 г.; доработана 23 марта 2022 г.; одобрена 30 марта 2022 г.

Ссылка для цитирования: Дятел Е.П. (2022). Где проходит передний край экономической науки? // Управленец. Т. 13, № 3. С. 57–66. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-3-5. EDN: TYWOXG.

Where are the frontiers of economics?

Evgeny P. Dyatel¹¹ Institute of Economics of the Ural branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia

Abstract. It is of paramount importance for any researcher to be at the forefront of the chosen research field. The paper studies the phenomenon of the frontiers of science serving as the starting point for a scientist ascending to qualitatively new results. Methodologically, the study rests on the system approach that assumes the dialectical unity of the assimilation of the concrete (Karl Marx) and using the method of alternatives (Karl Popper). Historically, the role of the starting point of economic theory was claimed by: 1) the most abstract concepts, such as labour, Homo economicus, etc.; 2) ostensive definitions of a commodity, an “ordinary person”, etc., allowing one to rely on personal (implicit) knowledge. An analysis of the methodology of scientific knowledge shows that, when ascending from the abstract to the concrete, there is a high probability of falling into the induction trap, which can be avoided through structural similarity (homomorphism) of the object and its theoretical representation (model). This approach allows identifying the functional characteristics of economic phenomena and processes, such as the correspondence of supply and demand in the Walrasian system of general equilibrium equations (the Arrow-Debreu model). The other approach is premised on faith, worldview, intuition, which stimulate qualitatively new hypotheses to be formulated. The two approaches interact and complement each other, forming a continuum of economic knowledge, where there are no clearly defined frontiers, and the genesis can, explicitly or implicitly, happen in each of the constituent elements forming a single whole (scientific article, dissertation, textbook, etc.). It is relevant for any scholar, and even more so for a lecturer, to hold a holistic view of the subject of the discipline under study, its relationship with other knowledge areas and reality.

Keywords: ostensive concepts; induction trap; homomorphism of neoclassicism; worldview approach; continuum of economic knowledge.

Funding: The paper was prepared as part of the R&D Plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2022.

Article info: received February 22, 2022; received in revised form March 23, 2022; accepted March 30, 2022

For citation: Dyatel E.P. (2022). Where are the frontiers of economics? *Upravlenets/The Manager*, vol. 13, no. 3, pp. 57–66. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-3-5. EDN: TYWOXG.

ВВЕДЕНИЕ

Целью статьи является изучение феномена переднего края науки. На передовом уровне в избранной области научной деятельности стремится оказаться каждый ученый, поскольку именно с фронта (англ. frontier – рубеж, пограничье) начинается движение в неизведанное.

В заключениях диссертационных советов обязательно указываются результаты, которые получены впервые. Этот приоритет входит в научную биографию ученого вплоть до завершения его карьеры, отражается в резюме, представлениях к соисканию различных званий и т. д. Но прежде чем состоится публикация или защита, необходимо убедить научное сообщество, что исследование имеет новизну, которая опирается на достаточную квалификацию в изучаемом вопросе. Последнюю гарантирует базовое образование, сдача кандидатского минимума, отзыв научного руководителя или неравнодушного коллеги.

Однако можно констатировать: на любом из перечисленных этапов встречаются пробелы, связанные с шириной и глубиной подготовки как обучаемого, так и его наставника. Понимая, что это может относиться к каждому, не исключая автора, приведем некоторые эмпирические доказательства. Но, прежде чем перейти к ним, отметим, что наша информационная база не ограничивается подобными наблюдениями и включает сжатый обзор результатов, претендовавших в различные периоды на статус переднего края экономической науки. Их рассмотрение предполагает определенную методику анализа научных данных, принявшую последовательные формы аристотелевской и гегелевской диалектики, восхождения от абстрактного к конкретному К. Маркса, принципа фальсификации и метода проб и ошибок (альтернатив) К. Поппера, методологии исследовательских программ И. Лакатоса и др. Эти результаты составляют предмет нашего исследования и определяют его структуру и логику.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Эффект колеи в определении исходного пункта исследования. Из более широкой проблемы институциональной зависимости от путей предшествующего развития (path-dependence) [Норт, 1997, с. 20] выделим индивидуальную траекторию накопления опыта и самореализации научно-педагогического работника высшей школы и/или академического института. Она меняется вместе с преобразованием социальных институтов, например переходом к рыночной экономике. При этом возможна задержка, обусловленная ограниченной рациональностью и материальными интересами экономического агента. Конечно, если уйти от оценочных суждений, всё определяется самим работником, степенью его научной и методической подготовки, желанием и стремлением соответство-

вать занимаемой должности и вытекающими отсюда приоритетами. Как это происходит?

В 1990-е гг. в вузы России пришли выпускники советской высшей школы, с энтузиазмом осваивавшие новое экономическое мышление, которое отождествлялось с микро- и макроэкономикой. Им приходилось заново увязать науку и практику, абстрактные понятия и обыденные представления учащихся. И, как бы ни хотелось опереться на вечные истины – последнюю инстанцию в любом споре, таковые вступали в противоречие со стремительно изменяющейся экономической действительностью. Приходилось начинать с эмпирических понятий-представлений, отражающих непосредственное восприятие наблюдаемых явлений. Далее шел процесс индукции – определение через род и видовое отличие, затем применялась дедукция, и, наконец, осуществлялась попытка интеграции полученных результатов в сложившуюся понятийную систему со всеми возможными достижениями и неудачами.

Приведем некоторые примеры.

1. Аспирант – выпускник экономического факультета одного из ведущих уральских вузов. Научный руководитель в советское время закончил топовый вуз по специальности «экономическая кибернетика». Намечается обсуждение результатов диссертационного исследования. Вступительное слово руководителя: поставлена задача проанализировать предельную склонность к потреблению (*MPC*) среди домашних хозяйств в «заведомо долгосрочном периоде – 10 лет». Анализ выборки по России показал, что на этом временном отрезке, действительно, происходят существенные изменения. В результате, по мнению докладчика, опровергнуты аксиомы учебников по основам экономической теории, согласно которым в долгосрочном периоде средняя и предельная склонность к потреблению равны и постоянны: $APC_{LR} = MPC_{LR} = k$, где k – константа. К сожалению, руководитель попал в ловушку остенсивного определения, в той или иной мере пригодного для микроэкономики, которую он преподавал последние годы, и неприменимого к долгосрочному периоду в макроэкономике, для которого и рассчитывается предельная склонность к потреблению.

2. Второй пример также связан с подготовкой к защите, на этот раз докторской диссертации, посвященной экономическому анализу естественных монополий. К ним относятся не только Газпром или РЖД, но и компании, предоставляющие жилищно-коммунальные услуги в данном городе. На предварительном обсуждении выяснилось, что диссертант анализирует отсутствующую в условиях монополии (см.: [Савицкая, 2002, с. 162]) «кривую предложения». Оказалось, что, как и некоторые другие исследователи и преподаватели, докладчик отождествил ее с кривой предельных

издержек на восходящем отрезке. Опечатка была удалена, диссертация приведена в соответствие требованиям и успешно защищена.

3. Для сравнения обратимся к определению, которое стало исходным для развертывания понятийной системы «Капитала». Оно начинается с родового признака, каковым является полезность товара: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности» [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 23, с. 43]. Казалось бы, Маркс оказывается в колее обыденных рассуждений, о чем свидетельствуют оговорки: «на первый взгляд», «по выражению английских экономистов» [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 13, с. 13]. На деле за этим отправным пунктом стоит глубокий методологический анализ.

Прежде чем последовать за Марксом, предположим, что перед нами начинающий исследователь. Он правильно сформулировал проблему и создал логически стройное произведение (статью, монографию, диссертацию), которое, по его мнению, содержит вклад в науку. Остается надеяться на положительный отзыв и признание коллег. Идеальных рецензентов нет, для некоторых передний край науки представлен публикациями научной школы, к которой они принадлежат. Несогласный может обратиться к сторонникам другого направления, в другой журнал, совет и т. д. Но путь в науку проходит через густонаселенную территорию интеллектуального сообщества со своими обычаями и правилами. Не следует думать, что они результат прихоти или недобрых намерений. Нужны серьезные основания, чтобы не то что пренебречь ими, а хотя бы отклониться от существующих норм. В этом отношении уникальный и поучительный пример дают сохраненные и опубликованные «Экономические рукописи» К. Маркса, где на тысячах страниц анализируются накопленные человечеством знания об экономическом устройстве и развитии общества, вырабатывается метод исследования, который должен был определить будущую структуру «Капитала».

Восхождение от абстрактного к конкретному – «правильный в научном отношении» метод? Анализ начинается с замечаний в адрес произведений, которые, по Марксу, «всцело литература эпигонов: воспроизведение старого, большее развитие формы, более широкое освоение материала, стремление к заостренности изложения, популяризация, разработка деталей ... инвентаризация старого, с одной стороны, и прирост отдельных частных, с другой» [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 46, ч. 1, с. 3]. Если добавить эконометрику, построение повторяющихся математических моделей, переводы иностранных авторов и адаптацию их идей, то в значительной степени будет представлена картина российской экономической науки, находящейся сегодня на эволюционной стадии развития. Не разделяя революционных устремлений Маркса, мы не видим

ничего плохого в этом ее состоянии. К слову говоря, таковы же требования к научным публикациям, предъявляемые некоторыми российскими экономическими изданиями. Однако перед любым ученым стоит задача получения принципиально нового результата в познании исследуемых явлений и процессов, для чего необходимо преодолеть самоподдерживающийся процесс индукции.

М. Полани следующим образом характеризует проблему: «Необратимый характер открытия наводит на мысль, что никакое решение задачи не может быть признано открытием, если к нему приходят путем процедуры, следующей определенным правилам. Ибо такая процедура будет обратимой в том смысле, что ее можно шаг за шагом проследить в обратном порядке, вплоть до самого начала, а потом повторить сколь угодно много раз, как всякое арифметическое вычисление. Соответственно и любую строго формализованную процедуру следовало бы исключить из числа средств, с помощью которых делаются открытия» [Полани, 1985, с. 180]. На методе индукции (наведении) и его эвристическом потенциале подробно останавливался Дж.С. Милль, и нет оснований думать, что такие же или похожие критические возражения (см.: [Милль, 1865, с. 489–493] не были известны его младшему современнику К. Марксу¹.

В поисках ответа на этот вопрос К. Маркс определяет «правильный в научном отношении метод» – восхождения от простейших абстракций «труд, разделение труда, деньги, стоимость и т. д.» [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 46, ч. 1, с. 37] к взаимосвязанной системе экономических категорий. Казалось бы, именно так поступали его успешные предшественники: А. Смит [2007], Д. Рикардо [1955] и другие представители классической политической экономии. Отсюда, если не углубляться в творческую лабораторию Маркса, несколько неожиданным выглядит сопровождаемый оговоркой «на первый взгляд» [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 13, с. 13] выбор товара в качестве исходного пункта «Капитала». В литературе приводятся различные причины этого оборачивания метода. Не перечисляя их, отметим, что наряду с «разработкой деталей», мимо которой вряд ли может пройти любой добросовестный исследователь, необходимо было привнести какой-либо, пока не учтенный нами, фактор научного познания.

Определяющая роль мировоззрения. М. Полани в цитируемой выше работе приходит к выводу о том, что «вера является источником знания» [Полани, 1985, с. 277]. Эту точку зрения, не чуждую нашему пониманию, высказывали Аристотель («человек обладает научным знанием, когда он в каком-то смысле обладает верой и принципы ему известны») [Аристотель, 1978, т. 2, с. 54–55, 175], представители интуитивизма (сре-

¹ О негативном отношении к индукции Ф. Энгельса, ближайшего соратника и соавтора К. Маркса, см.: [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 20, с. 541–544].

ди которых немало математиков), а также (не всегда явно) марксисты как сторонники мировоззренческого подхода к изучению общественных, да и любых других, явлений.

Наряду с трезвой и даже категоричной оценкой ограниченных возможностей индукции и других методов формальной логики основоположники диалектического и исторического материализма ставили задачу определить закономерности генезиса нового знания. О поисках К. Маркса в области политической экономии мы вкратце сказали. Общую характеристику путей научного познания можно реконструировать по опубликованной рукописи Ф. Энгельса «Диалектика природы». Как и Гегель [Гегель, 2000], он исходит из принципа тождества мышления и бытия [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 20, с. 519, 526] или, применительно к обществоведению, совпадения логического и исторического. Тем самым получает свое объяснение отправной пункт «Капитала» – товар, в котором представлено наличное бытие капиталистического способа производства. Дальнейшее восхождение от абстрактного к конкретному осуществляется с позиций критической оценки накопленного наукой материала, и не случайно в подзаголовке «Капитала» К. Маркса стоит «Критика политической экономии». Когда прежний способ объяснения приходит в противоречие с фактами, выдвигается гипотеза, которая проверяется опытным путем, «пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон» [Маркс, Энгельс. Соч. Т. 20, с. 555].

Соглашаясь с изложенным, отметим, что здесь проблема становления нового знания переносится в область индивидуального мышления, оперирующего представлениями-понятиями и на этой основе создающего умозрительные модели реальности (гипотезы). Последние получили наименование личностного (неявного) знания, которое «в науке является результатом не выдумки, но открытия и как таковое призвано установить контакт с действительностью, несмотря на любые элементы, которые служат его опорой» [Полани, 1985, с. 101]. Личностное знание генерируется на интенциональном уровне, который исследовался Ж.П. Сартром, развивавшим гуманистические идеи Маркса. В статье «Фундаментальная идея феноменологии: интенциональность» он утверждал: «Сознание не содержит объект в себе, объект не находится в сознании. Сознание имеет перед собой предмет как образ» (цит. по: [Сартр, 2000, с. 6]). Интересующий нас «слой значения» – предметную область понятий – формирует экономический образ мышления [Дятел, 2021, с. 384].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Востребованность системного подхода. Признание мировоззрения определяющим способом восприятия реальности не гарантирует получения «объективного знания», что К. Поппер и ставит в упрек марксист-

му [Поппер, 1983, с. 242]. Однако независимо от того, как оценивать первое и второе «великие открытия» К. Маркса (двойственный характер труда, воплощенного в товаре, и закон прибавочной стоимости), они оказали существенное влияние на развитие экономической науки и практики, стали теоретической основой преобразований в экономике и общественном устройстве революционной России и ряда других стран. Данный факт подтверждает мировоззренческий характер марксистской политической экономии, создающий возможность прямой трансляции ее аксиом и выводов от учителя к ученику, в том числе путем изучения канонического текста «Капитала», который его последователи признавали непреложной истиной и руководством к действию.

Но вернемся к вопросу о том, как сегодня следует относиться к «Капиталу» с учетом степени его научной достоверности и новизны и может ли такое отношение стать пробным камнем для других произведений, находящихся, по мнению современников, на переднем крае экономической науки.

Вхождение в эпоху информационного общества, начавшееся во второй половине XX в., поставило исследователей, педагогов, руководителей, проектных разработчиков и, наконец, обычного человека перед выбором ориентиров в познавательной и практической деятельности на фоне лавинообразно растущего количества фактов, концепций, авторитетных мнений. Все настойчивее стала звучать идея о принципиальной невозможности единственно правильного учения в той или иной области знания и необходимости перехода от конкуренции научных теорий к единству альтернатив¹. По нашему мнению, решить эту задачу возможно на основе системного подхода. Известны два основных конкурирующих и дополняющих друга его варианта [Иваницкий, Дятел, 2021]: системно-структурный подход, получивший развитие в классической политической экономии, и общая теория систем [Bertalanffy, 1968; Берталланфи, 1969].

В системно-структурном подходе реализуется «монистическая», точнее диалектико-материалистическая, линия выведения исследуемого явления из единой причины и единого основания, достигнувшая вершины в марксистской трудовой теории стоимости. Общая теория систем (ОТС) доказала эвристический потенциал в различных областях научного знания, включая современную микроэкономическую теорию, широко использующую не только дифференциальные уравнения, но также теорию множеств и другие математические методы. Остановимся подробнее на ключевых моментах обоих подходов.

Структурно-логический анализ как способ субординации и координации базовых понятий классической политической экономии. Под классической

¹ Пивоваров Д.В. Метод альтернатив // Философская энциклопедия. <https://terme.ru/termin/metod-alternativ.html>.

политической экономией мы понимаем науку, изучающую пути создания и способы увеличения товарного богатства капиталистического общества. Его элементарной клеточкой является товар, бытие которого включает всю совокупность эмпирически наблюдаемых признаков. В процессе аналитического исследования понятие товара структурируется путем выявления его внутренних и внешних отношений с окружающим миром. К. Марксу удалось переосмыслить отношения субординации и координации в системе экономических категорий, созданной усилиями предыдущих поколений ученых. Полностью воспроизвести эту сложившуюся в результате многолетнего труда систему категорий не представляется возможным 1) в силу ее объемности; 2) ввиду обнаружившихся с течением времени нестыковок, которые уводили марксизм от магистральных тенденций экономической теории и, по нашему мнению, не позволили ни К. Марксу, ни его последователям завершить 2-й и 3-й тома «Капитала» в соответствии с первоначальным замыслом. Означает ли это, что марксистская политическая экономия представляет для нас лишь исторический интерес, составляя бэкграунд советской, ныне российской экономической науки?¹

Статус и форма изложения научных результатов. Марксу понадобилось пройти длинный путь, в значительной мере состоящий в изучении и обработке литературных источников и фактического материала. Этот путь отражает нестареющее требование к любому исследователю – необходимость детального изучения всего массива накопленного знания, которое в современных условиях вряд ли возможно повторить. Кумулятивное развитие науки находит свое концентрированное выражение в формуле: наука – упорядоченная совокупность объективных истин, учебник – логически обоснованная форма их изложения [Больцано, 2003, с. 54]. В этом смысле продвижение к переднему краю экономической науки является прерогативой научно-образовательной деятельности, понимается ли под нею индукция (восхождение от конкретного к абстрактному) или внешне противоположный процесс дедукции.

Учебниками такого ранга, наряду с «Богатством народов» А. Смита и «Капиталом» К. Маркса, стали «Принципы политической экономии» Дж.С. Милля [Mill, 1871], «Принципы экономической науки» А. Маршалла и др. Речь, конечно, не идет о том, чтобы каждый исследователь создавал подобные работы. Но, занимаясь соответствующим разделом науки, необходимо изучать такие произведения². И, если возникает обоснованное

желание что-то поправить в них, внести существенные изменения, это означает, что мы ставим перед собой не только методическую, но в полном смысле научную задачу. Разумеется, для ее решения необходимы современные средства и методы исследования.

Прежде чем переходить к ним, отметим, что в качестве страховки от поспешных умозаключений необходимо видеть представленную в правильно подобранной учебной литературе ретроспективу научного исследования. «Наукоучение» Б. Больцано [2003] подытоживает многовековой опыт существования научных истин в письменных источниках и общественном сознании, а выводы могут быть использованы при создании трудов, отражающих фундаментальные основы изучаемой дисциплины.

Выделяются учебники трех уровней: 1) написанные для небольшого числа людей, которые желают разобрататься в науке полностью. «Учебники, которые мы пишем для таких читателей, следует назвать научными или для ученых»; 2) учебники, адресованные деловым людям (Geschäftsmann); 3) учебники, адресованные самому многочисленному классу читателей, содержащие общеупотребляемые (allgemeinbrauchbare) науки [Больцано, 2003, с. 386–387].

Движение в науку начинается на низшем уровне, опирающемся на остенсивные (общеупотребительные) понятия. В этом может удостовериться каждый, кто внимательно прочел первый отдел первого тома «Капитала» К. Маркса; аналогичные отзывы могут быть получены от читателей, знакомившихся с современной экономической теорией, к примеру, по учебному пособию П. Хейне «Экономический образ мышления» [Хейне, 1993], которое получило широкую известность как классический вводный курс. Свой рассказ о методологических и учебно-методических проблемах Хейне начинает с перечисления того, о чем не следует упоминать во вводном курсе, относя сюда ряд категорий, специфицирующих предмет экономического анализа [Хейне, 1993, с. 10]. Он считает, что главное для студента (и преподавателя!) – освоить творческий подход к познанию действительности, не увлекаясь чрезмерно формальными методами анализа. Ссылаясь на своих предшественников, ученый предлагает следующую структуру формирования экономического образа мышления: 1) в качестве исходного пункта выявляется проблема; 2) затем дается характеристика концепции, которой пользуются экономисты; 3) показывается ее применимость к исходной проблеме; 4) намечаются новые пути исследования [Хейне, 1993, с. 12]. Изложенное не противоречит методу «Капитала»

ученых. Это было возможно благодаря двум существенным особенностям этих трудов. Их создание было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [Кун, 1977, с. 28].

¹ Ограниченный объем статьи вынуждает нас оставить за пределами рассмотрения мир-системный анализ, сторонники которого отдают должное основополагающему вкладу К. Маркса (см.: [Бродель, 1992]).

² Оду классическим учебникам произнес Т. Кун: «Долгое время они неявно определяли правомерность проблем и методов исследования каждой области науки для последующих поколе-

К. Маркса, предусматривающему восхождение от бытия к сущности, затем к явлению и действительности. Различие обнаруживается в выборе исходного пункта, определяющего дальнейшую трактовку базовых категорий экономического мышления, овладение которым представляет важную научно-педагогическую задачу с элементами формирования личностного знания. У К. Маркса, как и у других представителей классической политической экономии (Д. Рикардо, Дж.С. Милля), это – товар, в экономикс (микроэкономике) – человек и его мотивы как субъекта хозяйственной деятельности [Маршалл, 1983. Т. 1; Хейне, 1993, с. 28]. Если в марксизме такая констатация объясняется научным мировоззрением, то Хейне ссылается на «предвзятость экономической теории» [Хейне, 1993, с. 27]. Отвлекаясь от этого достаточно условного методологического различия, можно видеть, что исходным в обоих случаях выступает эмпирически верифицируемое, остеологическое понятие, будет ли это товар как элементарное бытие буржуазного богатства или homo economicus в его ипостаси обычного индивида, наделенного способностью выбора (свободой воли).

Образцовым учебником второго (магистерского) уровня является «Экономика отраслевых рынков и политика государства» [Пахомова, Рихтер, 2009]. Опубликованная через 20 лет после выхода в свет «Теории организации промышленности» Ж. Тироля [Tirole, 1988], она представляет собой отнюдь не кальку этой пионерной работы, а серьезный шаг вперед в формировании и совершенствовании категориального аппарата новой дисциплины. Другой пример может составить получившая мировую известность книга «Институты и экономическая теория» [Фуруботн, 2005], заявленная как учебное пособие и вместе с тем поднимающаяся на самый высокий уровень научного исследования.

Особенно интересен для наших целей предназначенный для аспирантов «Курс микроэкономической теории» [Мас-Колелл, Уинстон, Грин, 2016]. Его авторы пишут: «Следует заметить, что время (а также местоположение) могут быть включены в определение товара. Строго говоря, хлеб сегодня и завтра может рассматриваться как различные товары. Аналогично, когда мы имеем дело с принятием решений в условиях неопределенности ... нам удобнее трактовать хлеб в разных "состояниях природы" как разные товары» [Мас-Колелл, Уинстон, Грин, 2016, с. 23]. Получается, что нужно учитывать не только затраты факторов производства или потребительские качества вещи, но и право первого обладателя (*jus primae occupatiōnis*), который распоряжается нужной покупателю вещью в пространстве и времени. В результате «особенности товаров теперь понимаются как зависящие от случайного стечения определенных обстоятельств...» [King, 1977, p. 128]. Согласимся с этим, но насколько научным будет такое определение, очевидное для любого торговца на восточном рынке?

«Непостижимая эффективность математики» и проблема гомоморфного отображения реальности. В этот подзаголовок мы вынесли название статьи Е. Вигнера, в которой рассматривается применение математики в естественных науках [Вигнер, 1968]. Схожие результаты можно наблюдать в неоклассической экономической теории. Чем же объясняется универсальная эффективность математики? Вопрос можно поставить шире – для этого нужно распространить анализ на всю совокупность логических средств научного познания, среди которых немаловажное значение имеет структурное сходство – гомоморфность, или, в случае полного совпадения, изоморфизм объекта и его отражения¹. Рассмотрим их на приведенном выше примере остенсивного определения товара.

Расширенное, вплоть до эклектики, понимание товара является логическим следствием модели общего экономического равновесия Эрроу – Дебрё в условиях неопределенности с различными «состояниями мира» (*states of the world and uncertainty*). Она дает математически точное решение уравнений вальрасовского общего равновесия, учитывающее роль не только производимых человеком, но и «первичных» (в терминологии А. Леонтьева) факторов предложения. Без *изоморфизма* – полного совпадения, что обычно недостижимо, и *гомоморфизма* – структурного сходства абстрактных (математических или формально-логических) моделей и объекта познания, трудно представить существование не только общего равновесия, отражающего совпадение структуры товарной массы и денежного спроса, но и неоклассики в целом. «Понятие гомоморфизма отражает процесс абстракции (идеализации, схематизации), который предшествует построению всякой научной теории»² (подробнее см.: [Эшби, 2005; Гастев, 2009]). Исходя из этого, можно согласиться с М. Фридманом, утверждавшим, что позитивная экономическая теория «не может быть проверена прямым сопоставлением ее "предпосылок" с "реальностью"» [Фридман, 1994, с. 49]. И напротив, игнорируя структурное сходство теории и действительности, нетрудно превратить неоклассику в объект острой критики.

При сопоставлении базовых положений микроэкономики, например «созданного экономической теорией рационального максимизатора полезности» с «обычным человеком, трясущимся в городском автобусе» [Коуз, 1993, с. 6], путем фальсификации устанавливаются границы неоклассики, подтверждающие ее научный статус. Поскольку акцентируется внимание именно на остенсивных характеристиках отправного пункта экономического исследования («обычном человеке»), постольку требуется уточнение его базовых

¹ Оригинальные исследования в этом направлении проводились русскоязычными авторами [Кузнецов, 1997].

² Гастев Ю.А. Изоморфизм // Философская энциклопедия. <https://terme.ru/termin/izomorfizm.html>.

положений. Как удачно сказал другой основатель неoinституционализма Дуглас Норт, «чистая неоклассическая экономическая модель» дает прекрасный фон, на котором удобно сравнивать теорию с реальным экономическим процессом [Норт, 1997, с. 14]. Но для нас важным является не один лишь этот вывод, а признание процедуры «математической индукции» равноправным, в чем-то приоритетным способом открытия нового знания с позиций общей теории систем.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Экономическая синергетика и границы экономической теории. Обращаясь к практике экономических исследований, можно констатировать, что в России сформировался большой штат научных работников, насчитывающий тысячи кандидатов и докторов экономических наук. Каждый из них в ходе защиты на диссертации формулировал 3–5 положений научной новизны. Если всецело встать на позиции индуктивизма, предполагающего кумулятивное развитие науки, закономерен вопрос о причинах нашего невысокого рейтинга в мировой экономической мысли.

Рассматривая перспективные методологические направления, которые развивают общую теорию систем [Пригожин, Стенгерс, 1986] и привлекают внимание экономистов, мы склонны присоединиться к высказыванию В. Садовского: «...Второй период развития современных системных исследований еще не завершился. Его главная отличительная особенность состоит в переходе от исследования условий равновесия систем к анализу *неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем*» [Садовский, 2004, с. 28]. Часто встречающееся включение в категориальный аппарат экономического исследования таких понятий, как синергетика, самоорганизация, коэволюция, не вызывает отторжения, но хотелось бы видеть большую взвешенность при их использовании.

С точки зрения затронутых нами вопросов важно отметить, что синергетический эффект обеспечивается «хаотическим» сочетанием разнородных факторов, не сводимых к ранее установленной причинной связи¹. К его предпосылкам мы относим присущий здравому смыслу метод проб и ошибок (К. Поппер), который равнозначен поиску альтернатив, происходящему в любой точке континуума научных знаний.

При определении границ научной теории встает вопрос о путях ее развития, равным образом соотносимый с политической экономией, микроэкономикой – базовой дисциплиной современной экономической теории и, если заглянуть несколько дальше, новой институциональной экономической теорией (НИЭТ).

Перечисленные и иные, не упомянутые научные направления развития экономической теории, могут составить предмет отдельного рассмотрения. Нашу задачу мы видели в констатации некоторых, не всегда учитываемых молодыми и не только молодыми исследователями, положений методологии научного познания и методов работы с фактическим и теоретическим материалом, меняющих представление о переднем крае науки и, возможно, о научной деятельности в целом, вплоть до включения в нее нарративного мышления.

Многообразие экономической науки. Экономическая наука не сводится к интуитивным открытиям или мировоззренческим утверждениям, помогающим наполнить содержанием сложившиеся представления. В ней есть место детальным сопоставлениям различных фактов и взглядов ученых и практиков, статистическим обобщениям, эконометрике, математическим моделям. Как и другим дисциплинам, ей приходится отвечать на вызовы современности, предлагать свои рекомендации в различных сферах хозяйственной деятельности. Сталкиваясь с непрерывным потоком реальных и мнимых инноваций, научных и околонаучных результатов, ей, чтобы поддерживать свою репутацию, приходится вырабатывать достаточно жесткие критерии, отделяющие подлинную новизну от мнимой. Вместе с тем некоторые гласные или негласные требования научного сообщества нуждаются, на наш взгляд, если не в корректировке, то в дополнительном обсуждении.

Об остенсивных определениях мы уже высказались. Более общей выглядит проблема использования больших баз литературных данных, которые представлены в Википедии, энциклопедиях и словарях. Как нам кажется, анонимность материалов не может быть решающим противопоказанием для ссылок на эти издания. Конечно, авторы Википедии не проходят столь же строгого отбора, как математики, публиковавшиеся под псевдонимом Н. Бурбаки. Но признанные во всем мире труды Бурбаки, перегруженные индуктивными рассуждениями и выводами, также не всегда и не всеми воспринимались положительно (например, российским математиком академиком В.И. Арнольдом). Ничто не мешает давать критическую оценку, вступать в спор или привлекать в качестве аргументов опубликованные и доступные широкому кругу читателей интернет-материалы, даже если в них представлен интенциональный слой значения предмета исследования, т. е. личностного понимания анонимных авторов. В этой связи еще раз выразим наше неприятие широко распространенной точки зрения: «Научные революции, согласно представлениям индуктивиста, заключаются в разоблачении иррациональных заблуждений, которые следует изгнать из истории науки и перевести в историю псевдонауки, в историю простых верований: в любой данной области подлинно

¹ Пригожин И. (1991). Философия нестабильности // Вопросы философии. № 6. <https://gtmarket.ru/library/articles/875>.

научный прогресс, по его мнению, начинается с самой последней научной революции»¹.

По тем же причинам нам кажется дискуссионным и другое требование – использование определенного количества работ, предпочтительно иностранных, опубликованных в течение последних пяти лет. Наука развивается ускоренными темпами, но пятилетний срок для обновления парадигмы научного мышления выглядит несколько искусственной границей. К тому же в области обществоведения, и в частности экономической теории, плодотворным может оказаться ее понимание как континуума научного знания: позитивного и нормативного, включающего нравственные оценки и личностное знание о сущности экономических явлений и процессов. Между количественным приращением науки в виде сбора данных, результатов экспериментов, их формально-логической и математической, статистической и другой обработкой и научным открытием, которое формируется в рамках «направленного к какой-либо цели», т. е. интенционального², подхода, нет непреодолимой грани. В мире знаний, представляющем единство прошлого, настоящего и будущего, отсутствует четко выраженный передний край. Этот мир скорее расширяется в каждой точке своего пространственно-временного континуума. И, если это так, то генезис научного знания доступен исследователю по мере того, как он овладевает материалом, формулирует проблему и предлагает пути ее решения. Вопрос о том, в какой форме будут представлены результаты – статьи, диссертации, монографии или учебника, – зависит от адресата и востребованности произведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрена проблема переднего края науки как цели, которая стоит перед каждым исследователем, и отправного пункта его дальнейшего движения к познанию истины. Главной задачей экономической теории было и остается развитие экономического мировоззрения на базе глубокой методологической подготовки и знания истории экономической мысли. Их актуальность может оказаться неодинаковой для студентов различных специальностей и педагогов, исследователей и практических работников. Объ-

¹ Лакатос И. (1978). История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. Москва: Прогресс. <https://gtmarket.ru/library/articles/5320>.

² Jacob P. Intentionality // Stanford Encyclopedia of Philosophy. <https://plato.stanford.edu/entries/intentionality/>.

единяющим признаком должно стать общественное признание излагаемых теоретических концепций. Борьба за это идет между различными направлениями экономической мысли, изучить которые большинству заинтересованных лиц, скорее всего, не удастся. В результате естественного отбора ключевой научной и педагогической экономической дисциплиной остается неоклассика, дополненная макроэкономикой и экономикой переходного периода. Преимуществом неоклассики (микроэкономики) является представленная в виде математических моделей экономическая логика принятия хозяйственных решений, в чем и состоит ее значение как образовательной и научной дисциплины. Недооценка, а тем более прямой или завуалированный отказ от преподавания и исследований в этой области экономической науки вряд ли заслуживают положительного отзыва.

Вместе с тем не следует забывать, что изучение любой дисциплины выполняет различные функции. В нашем случае оно может способствовать более глубокому пониманию хозяйственных процессов и навыков экономического мышления. Продвинутое обучение помогает формировать профессионалов высокого класса. Обратной стороной медали является специфичность человеческого капитала, которая ограничивает сферу его использования и может привести к обесцениванию даже в близких по профилю смежных видах деятельности [Уильямсон, 1996, с. 108]. Растущая дифференциация экономического знания повышает вероятность такого явления, в том числе в преподавательской среде и среди практикующих исследователей. Актуальным является системное видение предмета изучаемой науки, его взаимосвязей с другими отраслями знания и окружающей действительностью – такую цель ставит перед собой любой ученый, а тем более преподаватель научной дисциплины.

Подводя итог вопросу о кумулятивном развитии экономической науки, мы склонны утверждать скорее «да» – в части логического, в том числе математического обеспечения. Вторая тенденция представлена развитием континуума «объективного знания» (К. Поппер), включая эмпирическую, статистическую, эконометрическую и другие конкретно-научные формы его созидания и накопления. Но революционные сдвиги основаны на мировоззрении («вера» у Аристотеля и М. Полани; «интуиция» у А. Пуанкаре; диалектико- и историко-материалистический методы марксизма) и неявном знании, передаваемом от учителя ученику (в научно-педагогическом процессе). ■

Источники

Аристотель (1978). Сочинения: в 4 т. Т. 2. Москва: Мысль. 687 с.

Берталанфи Л. (1969). Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: ежегодник. Москва: Наука. С. 30–54.

- Больцано Б. (2003). Учение о науке (Наукоучение). Избранное. Санкт-Петербург: Наука.
- Бродель Ф. (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. Москва: Прогресс.
- Вигнер Е. (1968). Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. Т. 94, вып. 3. С. 535–546.
- Гастев Ю.А. (2009). Гомоморфизмы и модели: логико-алгебраические аспекты моделирования. Москва: Либроком.
- Гегель Г.В.Ф. (2000). Феноменология духа. Москва: Наука.
- Дятел Е.П. (2021). Статус экономической теории как научной и учебной дисциплины // Журнал экономической теории. Т. 18, № 3. С. 374–388. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>.
- Иваницкий В.П., Дятел Е.П. (2021). Системно-структурный подход к формированию понятийного аппарата политической экономии // Идеи и идеалы. Т. 13, № 2. Ч. 2. С. 239–265. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-239-265.
- Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право. Москва: Дело ЛТД.
- Кузнецов В.И. (1997). Понятие и его структуры. Методологический анализ. Киев: Институт философии НАН Украины.
- Кун Т. (1977). Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. Москва: Прогресс.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955–1981). Соч. 2-е изд. Т. 13, 20, 23, 46, ч. 1. Москва: Госполитиздат.
- Маршалл А. (1983). Принципы политической экономии. Т. 1. Москва: Прогресс.
- Мас-Колелл А., Уинстон М., Грин Д. (2016). Микроэкономическая теория. Москва: Дело.
- Милль Дж.С. (1865). Система логики. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография М.О. Вольфа.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. Москва: Дело.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала».
- Пахомова Н.В., Рихтер К.К. (2009). Экономика отраслевых рынков и политика государства. Москва: Экономика.
- Полани М. (1985). Личностное знание. Москва: Прогресс.
- Поппер К. (1983). Логика и рост научного знания. Избранные работы. Москва: Прогресс.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс.
- Рикардо Д. (1955). Сочинения: в 5 т. Т. 1. Начала политической экономии и налогового обложения. Москва: Госполитиздат.
- Савицкая Е.В. (2002). Курс лекций по микроэкономике. Москва: МФТИ.
- Садовский В.Н. (2004). Людвиг фон Берталанфи и развитие системных исследований в XX веке // Системный подход в современной науке. Москва: Прогресс-Традиция.
- Сартр Ж.-П. (2000). Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. Москва: Республика.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: Эксмо.
- Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. Санкт-Петербург: Лениздат.
- Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // Almanac THESIS. Научный метод. Т. II, вып. 4. С. 20–52.
- Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.
- Хейне П. (1997). Экономический образ мышления. Москва: Катаксия.
- Эшби У.Р. (2005). Введение в кибернетику. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Bertalanffy L. von. (1968). *General System theory: Foundations, development, applications*. Revised edition. New York: George Braziller.
- King M. (1977). *Public policy and the corporation*. London: Chapman & Hull.
- Mas-Colell A., Whinston M., Green J.R. (1995). *Microeconomic theory*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Mill J.S. (1871). *Principles of political economy*. London: Longmans, Green, Reader, & Dyer Publisher.
- Tirole J. (1988). *The theory of industrial organization*. Cambridge, MA; London, England: MIT Press.

References

- Aristotle. (1978). *Essays*. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl' (in Russ.)
- Bertalanffy L. (1969). General systems theory: A review of problems and results (pp. 30–54). In: *System Research: Yearbook*. Moscow: Nauka. (in Russ.)
- Bolzano B. (2003). *Theory of science. Selected works*. Saint Petersburg: Nauka.
- Braudel F. (1992). *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3. The perspective of the world*. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Wigner E. (1968). The unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences. *Uspekhi fizicheskikh nauk / Advances in Physical Sciences*, vol. 94, issue 3, pp. 535–546. (in Russ.)
- Gastev Yu.A. (2009). *Homomorphisms and models: Logical-algebraic aspects of modeling*. Moscow: Librokom. (in Russ.)
- Hegel G.W.F. (2000). *The phenomenology of spirit*. Moscow: Nauka. (in Russ.)
- Dyatel E.P. (2021). The status of economic theory as a scientific and educational discipline. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii / Russian Journal of Economic Theory*, vol. 18, no. 3, pp. 374–388. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>. (in Russ.)
- Ivanitsky V.P., Dyatel E.P. (2021). System-structural approach to the formation of a conceptual apparatus of political economy. *Idey i idealy / Ideas and Ideals*, vol. 13, issue 2, part 2, pp. 239–265. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-239-265. (in Russ.)
- Coase R. (1993). *The firm, the market, and the law*. Moscow: Delo. (in Russ.)
- Kuznetsov V.I. (1997). *Concept and its structures. Methodological analysis*. Kiev: Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Ukraine. (in Russ.)

- Kuhn T. (1977). *The structure of scientific revolutions*. With an introductory article and additions in 1969. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955–1981). *Essays*. 2nd ed. Vols. 13, 20, 23, 46, part 1. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.)
- Marshall A. (1983). *Principles of economics*. Vol. 1. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Mas-Colell A., Whinston M., Greene D. (2016). *Microeconomic theory*. Moscow: Delo. (in Russ.)
- Mill J.S. (1865). *System of logic*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya M.O. Vol'fa. (in Russ.)
- Nelson R.R., Winter S.G. (2002). *An evolutionary theory of economic change*. Moscow: Delo. (in Russ.)
- North D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Nachala. (in Russ.)
- Pakhomova N.V., Rikhter K.K. (2009). *Economics of sectoral markets and state policy*. Moscow: Ekonomika. (in Russ.)
- Polanyi M. (1985). *Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy*. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Popper K. (1983). *Logic and the growth of scientific knowledge*. Selected works. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Prigogine I., Stengers I. (1986). *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature*. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Ricardo D. (1955). *Essays*. Vol. 1. *Principles of political economy and taxation*. In 5 vols. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.)
- Savitskaya E.V. (2002). *Lectures on microeconomics*. Moscow: MIPT. (in Russ.)
- Sadovskiy V.N. (2004). Ludwig von Bertalanffy and the development of system research in the 20th century. In: *System approach in modern science*. Moscow: Progress-Traditsiya. (in Russ.)
- Sartre J.-P. (2000). *Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology*. Moscow: Respublika. (in Russ.)
- Smith A. (2007). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: Eksmo. (in Russ.)
- Williamson O. (1996). *The economic institutions of capitalism: Firms, markets, relational contracting*. Saint Petersburg: Lenizdat. (in Russ.)
- Friedman M. (1994). The methodology of positive economics. *Almanac THESIS. Scientific Method*, vol. II, no. 4, pp. 20–52. (in Russ.)
- Furubotn E.G., Richter R. (2005). *Institutions and economic theory: The contribution of the new institutional economics*. Saint Petersburg: SPSU Publishing house. (in Russ.)
- Heine P. (1997). *The economic way of thinking*. Moscow: Katalaksiya. (in Russ.)
- Ashby W.R. (2005). *An introduction to cybernetics*. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury. (in Russ.)
- Bertalanffy L. von. (1968). *General System theory: Foundations, development, applications*. Revised edition. New York: George Braziller.
- King M. (1977). *Public policy and the corporation*. London: Chapman & Hull.
- Mas-Colell A., Whinston M., Green J.R. (1995). *Microeconomic theory*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Mill J.S. (1871). *Principles of political economy*. London: Longmans, Green, Reader, & Dyer Publisher.
- Tirole J. (1988). *The theory of industrial organization*. Cambridge, MA; London, England: MIT Press.

Информация об авторе

Information about the author

Дятел Евгений Петрович

Evgeny P. Dyatel

Доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории. **Институт экономики УрО РАН** (620014, РФ, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29). E-mail: dyatel1942@mail.ru.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Leading Researcher at the Center for Economic Theory. **Institute of Economics of the Ural branch of the RAS** (29 Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russia). E-mail: dyatel1942@mail.ru.